

КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ МИХАИЛА ТАЛЯ

Михаил Таль был всеобщим любимцем, одним из самых популярных гроссмейстеров в истории шахмат. Обаяние Таля подкупало всех, кто был с ним знаком. И дело не только в удивительном стиле игры – комбинации «волшебника из Риги» были фантастическими, – но и в его человеческом облике. Вокруг Таля всегда царила атмосфера радушия и доброжелательности, он был неистощим на юмор и шутки. За всю свою жизнь Таль никого не предал, не продал. Отказывался писать отчеты для КГБ после зарубежных поездок, как было принято в советские времена, считал это омерзительным. Уже в перестройку знакомый кагэбэшник показал Талю его личное дело, и выяснилось, что на него «стучали» близкие друзья – вхожие в дом, сидевшие с семьей за одним столом. Он был шокирован.

В 1957 году Советский Союз открыл космическую эру, и тогда же Таль совершил свой первый космический полет: стремительно ворвался в шахматную элиту и завоевал золотую медаль чемпиона СССР. А спустя всего три года он стал чемпионом мира, восьмым по счету.

А в том далеком 1957-м, уже на следующий день после триумфа Таля, Юрий Кабалевский, сын выдающегося композитора, привел двадцатилетнего гения шахмат в московскую школу №144, что возле метро «Сокол», – Юрий руководил в ней шахматным кружком.

Мне повезло: хотя я учился в соседней, 683-й школе, но тоже был приглашен на сеанс одновременной игры нового чемпиона страны. Сеансер разбрасывал пионерам фигуры направо налево, и, кажется, только мне удалось устоять. Ничья с Талем оставила яркий след в моей школьной жизни. (О другой встрече с Талем речь шла в моих воспоминаниях «Ностальгия».)

И еще одно общение с Талем, которое произошло уже в аспирантские годы, навсегда сохранилась в памяти. Работая над математической диссертацией, я время от времени подрабатывал в «64», тогда еще еженедельнике. И вот в один из дней мне поручили подготовить материал, написанный Талем. А надо сказать, что он был не только великим шахматистом, но и блестящим журналистом. Причем почти никогда не водил ручкой по бумаге, а свои

блестящие статьи диктовал прямо на машинку, после чего редактору оставалось лишь аккуратно расставить запятые.

Таль приехал в редакцию, и мне предстояло записать его очередную статью для «64». Но гроссмейстер почувствовал себя неважно и предложил побеседовать в доме у Эрнеста Погосянца, знаменитого этюдиста, где Михаил в те годы часто останавливался, приезжая в Москву.

Многие считали Погосянца неофициальным чемпионом мира по составлению этюдов, и не случайно они с Талем называли друг друга королями. Мне не раз доводилось быть свидетелем этих «королевских» встреч: Погосянец любил смотреть партии Таля, а Таль – этюды Погосянца. Кстати, Таль составил единственный в своей жизни этюд именно в соавторстве с Эриком.

Итак, мы заехали к Погосянцу, чтобы немного поработать. Однако на столе стояли шахматы, часы, и, само собой, Талю было не до диктовки: он сел за стол и автоматически сыграл 1. e2-e4. Не раз уж описывалась фанатичная любовь Таля к шахматам: он готов был играть когда угодно, с кем угодно и где угодно. А тут под руку подвернулся партнер, который мог продержаться ходов пятнадцать-двадцать...

Как пел Высоцкий, «мы сыграли с Талем десять партий», и, хотите верить, хотите нет, счет оказался равным. Кто сомневается, спросите об этом Зинаиду, вдову Эрика. Был, правда, еще один свидетель – весьма эффектная дама, пришедшая с Талем. Впрочем, не будем упоминать ее имя – вскоре она исчезла с горизонта.

Увы, должен признаться, что результат нашего матча не имел прямого отношения к шахматам, скорее это был медицинский прецедент. Дело в том, что весь день Таль жаловался на почечные колики, а мое предложение отказаться от поединка было им проигнорировано. Вскоре приступы стали нестерпимы, и Зина вызвала «скорую помощь». Таль прилег на кровать и, пока ждали врача, начал диктовать заказанную статью, как обычно, сразу набело. Половина ее была уже готова, и тут ему сделали укол. А когда Михаилу полегчало, мы снова сели за доску. Если мне не изменяет память, в ту ночь скорую пришлось вызывать еще дважды. Боли то утихали, то усиливались, но это не отражалось на веселом состоянии этого солнечного человека. Необходимая статья была готова к утру, как раз к открытию метро. Таль наконец уснул, а я уехал домой, чтобы через пару часов привезти готовый материал в редакцию.

Таль был любимым автором «64», часто заходил в редакцию поболтать с сотрудниками. Он, кстати, был единственным человеком, который побывал на всех свадьбах тогдашнего главного редактора еженедельника Александра Рошаля (а сколько их было!). Но однажды Рошаль сильно подвел гроссмейстера. В начале 70-х он решил – возможно, для разнообразия – второй раз жениться на своей первой жене. Как водится, на свадьбу в качестве шахматного генерала был приглашен и Таль. Но тут ему стало дурно: «Алик, – сказал он. – Ты знаешь, у меня что-то с головой, какие-то галлюцинации. Такое ощущение, что все это я уже видел». – «Извини, – успокоил его Рошаль, – просто я не позвал тебя на развод».

После защиты диссертации автор этих строк стал потихоньку изменять математике, царице наук, все больше превращался в литератора. И в 1974-м задумал сделать большое интервью с Талем. Я позвонил ему домой в Латвию, и он предложил мне на выбор: либо приехать к нему в гости в Ригу, либо отправиться в Ленинград, где скоро стартует очередное первенство страны. Я предпочел второй вариант, взял билет на «Красную стрелу», поселился в гостинице, и один из свободных дней мы целиком провели у Михаила в номере. Похоже, наша встреча сыграла положительную роль: Таль прекрасно выступил в турнире и в пятый раз стал чемпионом СССР..

С тех пор прошло почти сорок лет, но, кажется, наша беседа не устарела: столь широк был круг затронутых тем. Вот несколько наиболее интересных фрагментов.

– Михаил Нехемьевич, правда ли, что вы обладали незаурядными математическими способностями и были непобедимы в олимпиадах и конкурсах?

– Насколько помню, когда настало время идти в школу, я умел перемножать в уме трехзначные числа. Дело кончилось плохо – учителя лишили меня детства, определив сразу в третий класс. Была даже предпринята попытка отправить еще дальше – в четвертый, но эту партию с Гороно дирекция школы проиграла.

– Какому предмету вы отдавали предпочтение – алгебре или геометрии?

– Алгебраические задачи я решал почти мгновенно, а вот с геометрией отношения складывались неровно. Самое главное здесь – чертеж, а у меня, как я ни старался, катет всегда оказывался длиннее гипотенузы.

– **И чем закончилась ваша математическая карьера?**

– Учительница недоумевала, почему я шелкаю задачи как орехи. Она не сомневалась, что я подглядываю в ответы и ставила «двойки». В конце концов родителям это надоело, и они перевели меня в другую школу. Перестановка ходов даром не прошла – любовь к математике несколько остыла, и инициативу перехватили шахматы.

– **Но вы не сразу перешли в профессионалы...**

– После окончания школы, а затем Рижского университета я получил диплом филолога и работал учителем русского языка и литературы. Преподавал с большим удовольствием, но когда из-за моих постоянных отлучек у учеников накопилось несколько месяцев «окон», я, увы, вынужден был написать заявление об уходе.

– **Прежде, чем это случилось, произошел, кажется, один шумный «скандал». Вы стали чемпионом страны, вся Рига ликовала, а класс, в котором вы вели литературу, с утра до вечера разыгрывал комбинации Таля. Школьники даже не стеснялись играть на ваших уроках...**

– Дело было так. Войдя однажды в класс, я обнаружил на подоконнике доску с расставленными на ней фигурами. Нетрудно было убедиться, что белые объявляют мат в четыре хода. Но я не пошел на конфликт, а повел свой рассказ о «лишних людях». Однако снова взглянув на доску, понял, что сам являюсь лишним человеком... За это время в партии было сделано еще несколько ходов. Если бы белые довели замысел до логического конца и заматовали неприятельского короля, во мне взял бы верх шахматист, и я бы простил нарушителей дисциплины. Но, к несчастью для них, белые не только упустили возможность дать мат, но и вообще оказались у разбитого корыта. Оставлять такое поведение учеников безнаказанным было бы непедагогично, и я потребовал у них дневники. Правда, к концу урока немного успокоился и ограничился внушением. «Черные» обрадовались, что все обошлось, а «белые» попросили поставить автограф в дневнике. Единственный раз в жизни я сделал строгую надпись: «Не нашел мат в четыре хода на уроке литературы».

– **Вы никогда не жалели, что связали свою жизнь с шахматами?**

– Шахматы – мой мир. Не дом, не крепость, в которой я урываюсь от жизненных невзгод, а именно мир, в котором я живу полной жизнью, в котором до конца себя выражаю. Люблю атмосферу матчей, турниров, шумных шахматных сборищ, дискуссий. Не могу представить себя на необитаемом острове без доски и

фигур, без партнеров. Разве что Пятнице пришлось бы играть со мной матч из тысячи партий. Гул в зале мне не мешает. Наоборот, когда после моего очередного хода зал начинает гудеть, меня это воодушевляет.

– **Как вы понимаете красоту шахмат?**

– Для многих мастеров красота игры заключается в торжестве логики. По их представлению, прекрасная партия – это классическое здание с безупречными пропорциями, где каждый кирпичик плотно уложен. Но все же меня больше привлекает алогичность, иррациональность, абсурд. Представьте себе, что на доске позиция, подчиненная глубокой идее, все продумано до мелочей, а исход сражения решает неожиданный ход коня в самый угол доски. В общем, выражаясь математическим языком, мне дороже всего тот миг, когда на шахматной доске катет длиннее гипотенузы!

Интервью с экс-чемпионом мира открывало мою книгу «Беседы о шахматах», выпущенную в 1984-м. Примечательно, что предисловие к ней также принадлежит Талю. Думаете, так легко уговорить знаменитого шахматиста написать предисловие? Вот, например, двадцать лет я писал книги за Карпова, на обложках многих изданий наши имена стоят рядом, а стать автором предисловия для одной из моих сольных книг он отказался: «Не хочу, чтобы у меня, как у Таля, вышло «собрание сочинений» предисловий, – категорически заявил Карпов. Железный характер!

А Таль смотрел на вещи иначе. Если кто-то обращался к нему с просьбой, он всегда шел навстречу. И действительно, предисловия раздавал без всяких ограничений (конечно, автору необходимо было войти к Михаилу в доверие). Повезло, как видите, и мне.

Однажды в начале 90-х Таль летел из Риги в Москву и попросил меня встретить его. Я с радостью согласился, сел за руль и отправился в «Шереметьево-1». Талья нужно было отвезти в гостиницу «Спорт» (ныне не существующую), так что времени поговорить было предостаточно. Мы обсуждали разные темы, и тут неожиданно выяснилось, что одна из них представляет взаимный интерес. Так возникла идея написать совместную книгу, даже две. Мы подали заявку в одно издательство, ее приняли, и весной 1992-го рукопись была практически готова. Но отдать ее не успели – 28 июня Михаил Таль умер. Издавать же книгу в соавторстве с покойным гроссмейстером (удивительно, но был и такой умелец – Яков Дамский) мне показалось кощунственным.

К сожалению, мои встречи с шахматным гением носили лишь эпизодический характер. Естественно, у Талья было много близких людей: тренеры, коллеги, земляки. Но круг его общения не замыкался игрой. Сколько писателей, художников, журналистов, с которыми Таль был на дружеской ноге!

Много лет дружил он с Евгением Бебчуком, они часто подтрунивали друг над другом. Летом 1980-го Таль с семьей – женой Гелей и дочкой Жанной – пребывал в Сочи, там же находился и Бебчук. Шахматного короля попросили провести сеанс одновременной игры в одном привилегированном санатории. Таль решил поехать один, но Бебчук по секрету от него посадил жену и дочь в другую машину и тоже привез в санаторий.

Прежде чем начать сеанс, гроссмейстер по традиции прошел по кругу, чтобы представиться. А за одним из столиков незаметно притаилась его пятилетняя дочка. Таль подошел к очередному партнеру и протянул руку: «Михаил Таль». И тут его руку пожалла девочка, которая с серьезным видом ответила: «Жанна Петухова» (Петухова – девичья фамилия Гели). Публика была солидная, недовольно зашикала, и Таль, чтобы не превращать сеанс в шоу, сделав первый ход, предложил Жанне ничью. Та холодно ответила: «Я подумаю», и участники сеанса пришли в замешательство. Все же в конце концов мадемуазель соизволила согласиться, и ничья Талья с дочкой оказалась единственной...

Время от времени мы встречались с Талем на турнирах, где он играл или был зрителем, в шахматных редакциях. А последний раз я видел его за несколько недель до смерти, в Центральном Доме журналистов, на крупном гроссмейстерском блиц-турнире. Восемь виртуозов быстрой игры состязались между собой, и только двоим удалось опередить Талья, причем он поверг даже победителя этого увлекательного сражения, чемпиона мира Гарри Каспарова.

На рубеже 80–90-х, когда Таль приезжал в Москву, он часто останавливался у Семена Письмана, видного издателя (Погосянц уже умер). Должен сказать, что я не встречал на свете человека, который бы так нежно любил Талья, как Семен. Его родственники уехали в Америку и ждали Семена за океаном. Но он все тянул, не мог представить себе, что никогда больше не увидит своего друга. Незадолго до смерти великого шахматиста Письман тяжело заболел, дело кончилось ампутацией ноги...

Таль умер в Москве, но хоронили его в Риге. И Письман был одним из немногих москвичей, прилетевших в столицу Латвии. Он только накануне приобрел протез, еще не привык к нему, мучился, но все уговоры остаться дома не помогли: Семен считал своим долгом проститься с Талем. А вскоре – теперь уже никто не держал его на родине – улетел к родным в Нью-Йорк.

В последние годы, когда Таль оказывался в Москве и был совсем плох, от него старался не отходить Бебчук. А в 1990-м они вместе полетели в Югославию, на Шахматную олимпиаду, Таль был ее гостем. Уже в аэропорту выяснилось, что он забыл все документы, включая паспорт. Бебчуку пришлось вести переговоры сначала с нашими пограничниками, затем с югославскими летчиками. Популярность Таля была тогда столь велика по обе стороны границы, что все закончилось благополучно. Так неожиданно оказалось, что Таль может спокойно путешествовать по свету без всяких документов. Правда, перелетов в его жизни оставалось совсем мало...

Ревновали ли Таля его друзья друг к другу? Вряд ли, ведь они хорошо понимали, что этот удивительный человек принадлежит всему миру. И когда им доводилось общаться с Талем, они были рады тем дням, которые подарила им судьба.

Таль был самым остроумным и веселым человеком из всех чемпионов. На любой вопрос ему следовал неожиданный и остроумный ответ, и этот короткий диалог тут же превращался в веселую байку. Шуточки Таля, которые он охотно дарил направо и налево, никогда не были обидными для его коллег, правда, однажды он сам чуть не пострадал. На вступительных экзаменах в Латвийский университет, цитируя «Евгения Онегина», Михаил шутки ради сделал «ошибочный ход»: немного подкорректировал пушкинскую строку, заменив слова «Летний сад» на «детский сад»...

*Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в детский сад гулять водил.*

Но все обошлось – Таля приняли на филфак. То ли преподаватель не помнил «Евгения Онегина», то ли высоко оценил юмор абитуриента.